

УДК 1:316.334.3(476)

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА «ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ***канд. филос. наук, доц. М.Я. МАЦЕВИЧ**(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)*

Проводится историческая реконструкция эволюции института «гражданского общества» в европейской культуре на основании выявления его философских идеальных типов; очерчивается нормативный смысл понятия «гражданское общество»; обозначаются его «границы»; выявляются модели различных гражданских обществ через констатацию специфических неотъемлемых черт в разных странах и у разных народов, а также показывается природа функционирования института «гражданского общества» в структурном, историческом и культурном контекстах. Гражданское общество можно рассматривать: во-первых, как самоорганизацию и самозволюцию индивидуальных интересов; во-вторых, как гарант правового государства; в-третьих, в качестве буфера демократических процессов; в-четвертых, как институт гласности, открытости, аксиологического и политического плюрализма. В каждой стране демократические идеалы реализуются по-своему – с учетом истории, обычаев, иерархии ценностных приоритетов, уровня социально-экономического развития. И каждый народ должен сам выбирать, выработать соответствующие формы и механизмы политической самоорганизации, опираясь на национально-историческую традицию. Концептуально-методологической основой для написания репрезентируемой статьи послужили труды заведующей кафедрой политических наук и философии Львовского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, доктора философских наук Антонины Колодий.

Ключевые слова: *гражданское общество, цивилизованное общество, социум, демократия, солидаризм, этизация, саморегуляция, антинолизм, делиберативная демократия, дискурс, зона открытости, аксиологизация.*

Введение. История философии свидетельствует, что неотъемлемым условием становления демократических государств и формирования наций является разворачивание системы гражданских институтов, которые, в конечном счете, формируют гражданское общество.

Сегодня немало авторов употребляют понятие «гражданское общество» в качестве ключевой дефиниции периода посткоммунистической трансформации социума. Среди исследователей переходных процессов доминирует убеждение, что «демократия» провозглашенная не может стать демократией реальной, пока гражданское общество не усилится настолько, чтобы стать действенным конкурентом и оппонентом старой номенклатуры, а без истинного гражданского общества рыночный капитализм неминуемо перевоплощается в капитализм мафиозный.

Но зададимся вопросом: откуда вообще берется гражданское общество? На Западе – одна историчность, у нас – совсем другая. Процесс становления гражданственности всегда был очень сложным и длительным. Насколько его можно называть успешным и перспективным всегда зависело и, прежде всего, зависит от самой страны и ее народа, его национальной самоидентификации. Концептуально-методологической основой для написания репрезентируемой статьи послужили труды Антонины Колодий (заведующей кафедрой политических наук и философии Львовского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, доктора философских наук).

Концепция гражданского общества, которая стала формироваться в начале Нового времени, развивалась и усиливалась параллельно с развитием и обогащением представлений о социальной реальности. Но, начиная со 2-й половины XIX и до 2-ой половины XX стст. про нее вдруг забыли. А когда в 80-х годах XX в. рассматриваемое понятие превратилось в ключевой термин интеллектуальных политических инсинуаций, выяснилось, что не все вкладывают в него один и тот же смысл. За более чем сто лет своей истории оно стало полисемантическим: в разных странах и в разные эпохи ему придавали порой совершенно различные значения [1, с. 7].

Поэтому перед автором статьи, исходя из методологической матрицы работ А. Колодий, встали следующие задачи: 1) точнее очертить нормативный смысл понятия «гражданское общество», определить, что оно означает собою как идеальный тип; 2) точно обозначить его «границы», отличив специфическими характеристиками чертами от остальных социальных феноменов; 3) выявить модели различных гражданских обществ через констатацию специфических неотъемлемых черт гражданского общества в разных странах и у разных народов.

В статье проводится историческая реконструкция, используются метод дескрипции, единства исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкретному, метод компаративного анализа.

Основная часть. По мнению профессора калифорнийского университета Д. Александра, «гражданское общество первого типа» (как социальный феномен и как теоретическая концепция) охватывает период с конца XVII до 1-й половины XIX стст. Его основы были заложены такими мыслителями, как Дж. Локк, А. Фергюссон, Ш.Л. Монтескьё, И. Кант, Ф.Г. Гегель, А. де Токвиль.

Устоявшийся термин «*societas civilitas*» (позднее *civil society* – цивилизованное общество) [2] употребляли для обозначения новых общественных порядков, которые утверждались все с большей силой. Философы пытались зафиксировать резкое противостояние государства и общества, их онтологический и этический антиномизм. Общественная жизнь вдруг обнаружила две совершенно самостоятельные, автономные сферы: политическую и социальную, гражданскую. В последней жизнь развивалась и базировалась на идеях индивидуальной свободы, защиты собственных личностных интересов.

Первые концепции гражданского общества настаивали на доминировании экономической идейной составляющей. Так, сами индивиды проявляли себя в качестве независимых субъектов экономической и гражданской деятельности, ссылаясь на механизмы рыночной саморегуляции, требуя как можно меньшего вмешательства государства в их личные дела. Функции государства сводились к утверждению и проведению в жизнь законов, которые были заранее экспликацией надежд и чаяний всеобщей воли общественности, защищали нерушимость их прав и свобод.

В XVIII в. наряду с экономикой появилась и иная автономная сфера общественной жизни: сфера неполитического гражданского единства с самостоятельной областью философско-идеологического давления. Все проблемы, которые считались объектом гражданской заинтересованности, были репрезентированы сферой гражданской активности, в которую не имеет права вмешиваться государство. Личная жизнь была обозначена как сфера приватного, а публичная сфера была поделена на две: политическую и общественную (сферу открытости).

Кроме утверждения первичности и автономности гражданского общества значительное внимание в тот период уделялось обоснованию основных нравственных идеалов и принципов, а также рассуждениям о сути «цивилизованности». Адам Фергюссон, кроме четкого противопоставления гражданских (цивилизованных) обществ обществам диким, варварским, главное значение придавал наличию толерантных, миролюбивых отношений между людьми. В этот период подспудно берет начало и плавная тенденция формирования второго типа гражданского общества, тенденция «этизации» рассматриваемого понятия, особенно в английской социальной философии, нарочито подчеркивается роль гражданского общества в морали, сфере образования и политической культуры, в жизни социума [3].

Нераздельность морали и права, принципов правового государства и гражданского общества особенно скрупулезно обосновывались в работах немецких философов И. Канта, а также Г.В.Ф. Гегеля. Определяя государство как реализацию действий, усилить Разума, Гегель выступал за кодификацию законов, открытой публичной судебной системы; за создание и утверждение суда присяжных, формируя тем самым устойчивые принципы правовой державы, второго, основывающегося на философии и морали, типа гражданского общества. Гегель связал воедино принципы правового государства с необходимостью наличия и функционирования гражданского общества. Он сумел систему эгоистических потребностей и интересов индивида диалектически увязать с публичной сферой гражданских общественных интересов, таким образом непосредственно урегулировав и «сняв» все противоречия и социальные конфликты.

Каждый индивид стремится удовлетворить лишь свои специфические эгоистические потребности и цели, но сделать это он может только во взаимодействии с другими людьми. Особое значение Гегель придавал корпорациям (или гражданским объединениям), которые «скрепляют» индивидов согласно роду деятельности и индивидуальным способностям [4, §188]. Элементами гражданского общества с точки зрения Гегеля являются: система потребностей, система правовых обязанностей, наличие четкой и слаженной судебной системы, армии и полиции [4, §138]. Для обозначения гражданского общества он использовал термин – «бюргерское» (городское, мещанское) общество, смысл последнего в дальнейшем был низведен марксистами до буржуазного общества с классовым самосознанием [5, с. 10].

Современные исследователи гражданского общества наиболее ценят в наследии немецкого философа то, что он, с одной стороны, заметил сложность и неоднозначность данной дефиниции, выразив ее диалектическую противоречивость, и, в некоем смысле, тем самым став провозвестником концепции плюрализма. С другой стороны, его идеи свидетельствуют и помогают тем, кто пытается очертить новую модель гражданского общества, которая соответствовала бы условиям и потребностям общества всеобщего благоденствия и социальной справедливости. Таким образом, уже работы Г.В.Ф. Гегеля были пропитаны духом конформизма, корпоративности и политкорректности.

Весьма актуальной для современного читателя можно считать работу французского мыслителя Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», написанную в 1832 г. В ней впервые была показана тожде-

ственность гражданского общества и демократии. Токвиль отражает социокультурный подход в понимании гражданского общества, в его работах придавалось особое внимание моральным, социопсихологическим влияниям гражданских объединений на жизнь общества в целом. Уже сами эти объединения сформировали «места», «пространство» «приватной свободы», «приватной идентичности», прокладывая необходимое для демократии активное социальное поле, расширяя дух солидаризма, терпимости и «кооперации», а также формируя ситуацию наличия «пристального гражданского всевидящего ока» [6, с. 412–417]. Такая интерпретация гражданского общества считается в западных странах наиболее прогрессивной и адекватной как «стратегия перехода» к демократии в посткоммунистических обществах, так как она акцентирует внимание не столько на негативных функциях гражданского общества (будучи противостоянием государственной власти, ограничивая диктатуру), сколько – на позитивных (формирует гражданскую культуру, создает условия для демократизации общества).

Поэтому гражданское общество первого типа, формировавшееся с XVII ст. до первой половины XIX ст., на практике было молодым буржуазным обществом, которое утверждало либеральные свободы, покорность внешним законам, закладывало основы гражданской мысли в контексте либерального космополитизма и индифферентности [7, с. 55]. Людей в таком обществе объединяли лишь внешние рациональные цели и интересы. Рынок придавал и придаёт такому обществу определенные механизмы саморегуляции. Именно данный тип общества несет с собой конкурентность, «пролетаризацию культуры», демократизацию духа и ценностей.

И вот настал период гражданского общества второго типа, которое формировалось и развивалось с середины XIX до 2-й половины XX вв. Становятся популярными социалистические концепции социального развития, среди них одна из наиболее радикальнейших – марксизм. К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи отождествили гражданское общество с проблемами социальной структуры общества, проблемой классовых отношений, порожденных капиталистическим способом производства.

Гражданское общество, акцентирующее внимание на позитивных, солидарных аспектах, отошло в прошлое, одичало. На практике это проявилось в заострении классовой борьбы, усилении методов и практик насильственного развязывания конфликтов.

А в первой половине XX в. проблема гражданского общества вообще ушла на задний план, став предельно непопулярной. Однако среди западноевропейских мыслителей, например, был итальянский неомарксист А. Грамши, которого продолжала интересовать рассматриваемая проблема и для которого гражданское общество – прежде всего, «регулируемое общество» [8, с. 300]. После Второй мировой войны наступила третья волна демократизации, и работы Грамши послужили началом формирования гражданского общества третьего типа, где последнее использовалось в качестве социальной критики, критики авторитаризма, сталинизма, фашизма и т.д. Благодаря Ю. Хабермасу гражданское общество третьего типа отождествилось со «сферой публичности», «сферой открытости». Как сторонник теории социальной модернизации, он считал, что демократия – это не столько исполнение определенной воли и чьих-то чаяний, мнений, сколь, скорее, объективный, четко заданный рациональный дискурс. Делиберативная демократия (*deliberative democracy*) выписывалась им как демократия убеждения, аргументации и компромисса. Хабермас считал, что современный человек – это не гражданин, отчужденный от общества, потребитель, а прежде всего – активный участник политических и гражданских процессов. Современный человек – «человек компромиссов», где социум, «общественность» и дают ему возможность, условия их реализации. В работах Хабермаса делиберативная демократия стала инстинктом власти разума простых граждан, власти их легитимных нравственных норм и ценностей [9].

В 80–90-е годы XX в. проблема гражданского общества спонтанно синонимизировалась с крушением авторитарных «коммунистических» режимов в Центральной и Восточной Европе и утверждением прозападной демократии. В этот период вышеозначенной проблематикой занимались Д. Ким, Ч. Тейлор, Р. Пантем и др. Для них гражданское общество стало способом поиска новых форм всеобщего социального благосостояния, социальной защищенности [1].

С точки зрения М. Фуко, если «гражданское общество» – естественное состояние социума, то зачем в современном мире правительства пытаются превратить его в рационализацию жизни субъекта при помощи правовых норм? Увеличивая полезную силу индивида, государство заставляет человека вести с самим собой постоянную войну и во всем себя контролировать. Подобной трактовкой проблематизирование «гражданского общества» перерастает в вопрос о соотношении личности и общества, раскрывающийся одновременно как вопрос о соотношении гражданского общества и государства. В книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) Фуко весьма убедительно эксплицировал, что есть европейская демократия. А именно, – это дисциплинарное общество, где каждый чувствует себя чрезвычайно ответственным, и непрестанно испытывает страх перед наказанием. Возращение «гражданства» там шло через интериоризацию социального принуждения.

Несмотря на все современные разговоры о необходимости демократизации общества, создании новой парадигмы человеческой безопасности, на удивление мало эмпирических и серьезных теоретических

усилий, направленных на истинное смещение стремительно развивающейся политико-правовой культуры «чрезвычайного положения» к императивам творчества и гармонии. Современный итальянский философ Джорджио Агамбен в третьем томе своего исследования «*Nomo sacer*» определяет состояние «исключения», «чрезвычайного положения» как континуум современного повседневного существования, получивший интенции во французской революции, господствовавший во времена Первой мировой войны и доминирующий в Европе с середины XX в. как «парадигматическая» форма правления. Легальное производство «чрезвычайного положения» появилось в европейской истории в качестве постоянно необходимого, чтобы колонизировать «саму жизнь».

Агамбен исследует «чрезвычайное положение» на примерах приостановления официальным законом норм сохранения служебного юридического порядка, когда действительность начинает основываться на размытости или неразличении законного и незаконного, государственного и частного, политического и юридического; государства и права, войны и мира, права и насилия, жизни и нормы, и т.д. В некоторых местах текста он показывает, как «чрезвычайность» продуктивно артикулирует связь между этими, казалось бы, оппозиционными явлениями. По правде говоря, как подчеркивается итальянским мыслителем, «чрезвычайное положение» не является ни внешним, ни внутренним судебным порядком, а проблема его выявления, определения заключается именно в пороге зоны безразличия, размытости границ права и насилия. Агамбен также утверждает, что «чрезвычайное положение» в большей степени становится основной парадигмой правительств для государств после Первой мировой войны, достигнув апокалиптических высот в политике президента США Джорджа Буша-младшего.

Сохранившиеся в прошлом ситуации сделали «чрезвычайность» необходимым постфактум. Современное состояние тотализации «чрезвычайности» является попыткой включить «исключение себя» в судебном порядке в практику повседневного путем создания зоны «неразличения», в которой фактическое и юридическое бы совпадали. Порог неразрешимости сам собой разрешается, когда фактическое и юридическое исчезают друг в друге. «Чрезвычайное положение» является недействительным, неофициальным законом («форс-мажором» в законе), с другой стороны – это пространство абсолютной подвешенности, неопределенности между аномией и правом. Следственно право как бы вытесняет трансцендентное, абсолютное, заменяя его пустотой.

Однако парадокс заключается в том, что «чрезвычайное положение» перестает быть порогом, который гарантирует сочленение между внутренним и внешним, или между аномией и юридическим контекстом. В силу закона, который не вступает в свои права из-за «подвешенности» всей юридической системы, «чрезвычайность» как бы становится зоной безусловного «изнасилования» трансцендентной пустоты абсолютного диктатурой аномического. Таким образом, с одной стороны, «чрезвычайное положение» возвращает правителю «полновластие» абсолютного правителя. С другой, – «чрезвычайное положение» скорее производит правовую пустоту, аномию.

С крахом «коммунизма» и кризисом социалистической идеологии центр тяжести в исследованиях гражданского общества сместился с социальных проблем на демократические. Современные дискуссии показали, что богатый эвристический потенциал понятия «гражданское общество» позволяет использовать рассматриваемую дефиницию как идеальный тип (инструмент) анализа социума, отходя от описываемых характеристик реально существующего гражданского общества.

Кроме того, не следует его смешивать и с людским обществом ни исторично, ни структурно, ни культурно.

Исторически гражданское общество возникло на определенном этапе развития западноевропейской цивилизации, имело свой собственный процесс эволюции, персонифицированное время и национальную (пространственно-географическую) разновидность.

Структурно гражданское общество – подсистема общества как целого, приближающаяся к социальной сфере общественной жизни. Оно имеет свои подсистемы – институты гражданского общества: добровольные гражданские организации и гражданские движения; политические партии; независимые средства информации; выборы, референдум; гражданские элементы судебной и правовой системы и т.д. [1, с. 16].

В аспекте культуры гражданское общество репрезентировано ценностями терпимости, толерантности, взаимодоверия и гласности, индивидуализма, конкурентности, возможности идти на компромиссы, интересубъективности, диалогичности и открытости.

Заключение. Таким образом, гражданское общество можно рассматривать, во-первых, как самоорганизацию и самоэволюцию индивидуальных интересов; во-вторых, как гарант правового государства; в-третьих, в качестве буфера демократических процессов; в-четвертых, как институт гласности, открытости, аксиологического и политического плюрализма.

В современном мире гражданское общество – естественный центр притяжения к себе людей со специфическими интересами, в том числе, и оппозиционно настроенных к политике, проводимой правительств-

вом. В западных странах, именуемых обществами открытого типа, гражданские структуры существуют независимо от того, противостоят они правительству или ими поддерживаются.

Тема «Гражданское общество» явилась одним из приоритетов послания Президента Республики Беларусь к народу и Парламенту 23 мая 2006 г. В нем отмечалось, что «гражданское общество – не структура, направленная на конфронтацию различных слоев населения, на противопоставление государству. В идеале государство и общество – это две составляющие единого целого, которые взаимосвязаны на принципах партнерства и конструктивного сотрудничества».

Применительно к Беларуси речь идет не о возрождении гражданского общества, а о длительном процессе формирования его снизу: власть получает оптимальную возможность принимать решения в союзе со структурами гражданского общества, стабилизируя тем самым свою политическую систему и создавая инфраструктуру для выражения частных и индивидуальных интересов.

Опыт формирования гражданского общества в Республике Беларусь показывает, что демократия не может сводиться к экономическому либерализму, который положен в основу западных социально-экономических моделей. В каждой стране демократические идеалы реализуются по-своему – с учетом истории, обычаев, иерархии ценностных приоритетов, уровня социально-экономического развития. И каждый народ должен сам выбирать, вырабатывать соответствующие формы и механизмы политической самоорганизации, опираясь на национально-историческую традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колодій, А. Исторична еволюція громадянського суспільства та уявленнь про нього (формування ідеалу) / А. Колодій // «І». Незалежний культурологічний часопис. – 2001. – № 21. – С. 6–34.
2. Civil Society and the State. New European Perspectives / ed. by John Keane. – London – New York : Verso, 1988. – 113 p.
3. Фергюссон, А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюссон ; пер. с англ. И.И. Мюрберг ; под ред. М.А. Абрамова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 391 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. ; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
5. Кравченко, И.И. Рациональное и иррациональное в политике / И.И. Кравченко // Вопросы философии. – 1996. – № 3. – С. 3–18.
6. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль – М. : Прогресс, 1994. – 560 с.
7. Д'эйхталь, Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия / Е. Д'эйхталь ; пер. с фр. – 2-ое изд. – М. : УРСС, 2006. – 160 с.
8. Грамши, А.. Искусство и политика / А. Грамши – М. : Искусство, 1991. – 432 с.
9. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас ; пер. с нем. – М. : Весь Мир, 2003. – 416 с.

Поступила 04.05.2017

THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION AND FUNCTIONING OF THE INSTITUTE «CIVIL SOCIETY» IN THE REPUBLIC OF BELARUS

M. MATSEVICH

The article delineates the historical reconstruction of the evolution of the institute «civil society» in the European culture on the basis of the revelation of its philosophical ideal types. The author explicates the normative sense of the notion «civil society» and marks the «borders»; reveals the models of different civil societies by means of the fixation of specific inherent features of different countries and nations; describes the nature of the functioning of the institute «civil society» in structural, historical and cultural contexts. Civil society might be considered: firstly, as self-organization and self-evolution of individual interests. Secondly, as a guarantee of legal state. Thirdly, as a buffer of democratic processes. Fourthly, as an institute of glasnost (publicity), openness, axiological and political pluralism. The democratic values are fulfilled in specific ways in different countries - taking into account a history of customs, a hierarchy of value priorities, a level of social and economic development. And every nation should choose, produce the correspondent forms and mechanisms of political self-organization, relying on national and historic traditions. The conceptual and methodological basis of this article is constructed by means of the articles of the Doctor of Philosophical Sciences Antonina Kolodiy, the Head of the Department of Political Sciences and Philosophy of the Lvov Regional Institute of the State Government, the National Academy of the President of Ukraine.

Keywords: *civil society, civilization, society, democracy, solidarism, ethization, self-regulation, antinomism, deliberative democracy, discourse, zone of openness, axiologization.*